

УДК 316.354.4, 323.21

И.А. Скалабан

**СОЦИАЛЬНОЕ, ОБЩЕСТВЕННОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ:
К ПРОБЛЕМЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ**

Рассматривается сущность и выделяются особенности наиболее часто упоминаемых в современной литературе видов участия: социального, гражданского и общественного. Отталкиваясь от содержания понятия «участие», в статье выделяются особенности понимания данных терминов в западной и российской исследовательской традициях. Систематизируются имеющиеся подходы к их типологии и анализу.

Ключевые слова: участие, социальное участие, общественное участие, социальное участие, гражданское участие, общественный интерес.

В последние годы в различных сферах общественных отношений наблюдается рост вовлеченности отдельных граждан и общественных групп в решение актуальных социальных проблем. Наиболее активно этот процесс протекает на местном уровне и характеризуется многовекторной направленностью: сверху вниз, со стороны власти, через стимулирование социальной активности, расширение механизмов вовлечения граждан в решение вопросов местного значения в рамках построения субсидиарной модели государственной, муниципальной политики, реформирования системы муниципального управления; снизу вверх, со стороны населения, через расширение консенсуальных или протестных форм решения актуальных для населения проблем, с одновременным усилением мобилизационных и кооперативных процессов внутри территориальных сообществ или сообществ по интересам.

Косвенным признаком реальности и масштабности данных процессов является постепенная потеря их уникальности и все большая технологизация, осуществляемая как путем внедрения и адаптации западных технологий гражданского и общественного участия, так и путем тиражирования негосударственными объединениями собственного удачного опыта продвижения и отстаивания общественных интересов внутри отдельных территорий, регионов, страны в целом. Причём к областям, где данные технологии наиболее часто апробируются и внедряются, относятся наиболее болезненные для современного российского общества: образование, окружающая среда и отношения с властью, направленные на решение широкого круга местных вопросов.

Но следует констатировать, что в настоящий момент активное внедрение практиками технологий участия существенно опередило их научное осмысление. Последнее привело к терминологической путанице, хаотичности использования данных понятий. По сути, на настоящий момент термины гражданское, общественное и социальное участие в публицистике, литературе научно-методического характера выступают скорее синонимами, чем взаимодополняющими понятиями. К примеру, все они используются для характеристики отношений между органами власти и общественностью, что не только затрудняет их понимание, но и сужает саму сферу участия до вертикальных отношений, ограничивает видение перспектив общественного развития.

В связи с этим представляется целесообразным не только выделять и описывать новые формы участия, но перейти к их теоретико-методологическому анализу и изучению. В этом плане перспективно обратиться к зарубежным исследованиям, ведь в западной социальной практике, насчитывающей не одно десятилетие институционализации различных видов участия, социологами, политологами различных школ и направлений накоплен значительный опыт анализа данного социального явления. Попробуем разобраться, в чем состоит общее и особенное в понимании и использовании данных терминов, в западной и российской исследовательской практике.

Впервые понятия гражданское, общественное и социальное участие стали встречаться в американских социологических исследованиях в таких областях, как урбанистика, теории гражданского общества, прикладных исследованиях и практиках работы с населением в местных сообществах.

Изучение жизни и участия индивида и семьи в сообществе имеет в американской социологии давние традиции и берет свое начало еще в чикагской школе социологии начала XX века. Но только в конце 30–40-х гг. XX века эмпирические и теоретические исследования по проблемам участия, в частности социального, становятся систематическими. Одни из первых исследований, непосредственно посвященные данной проблеме, написаны американскими социологами С.А. Андерсоном [1. С. 62], В.А. Андерсоном [2;3;4], Б.Барбером [1], Дж. Ф. Шмидтом и В.С. Рохрером [5] и носят скорее эмпирический характер. Исключение составляет работа известного американского теоретика гражданского общества Берната Барбера «Апатия масс» и добровольное социальное участие в Соединенных Штатах», в которой он выделяет особенности и оценивает перспективы становления ассоциаций и неформальных видов гражданского и социального участия в стране. Фокус исследований в эти годы был направлен на анализ участия в деятельности местного сообщества, в частности, влияния типа семьи, социального статуса, пола субъекта на характер участия в жизни сообщества в сельских и городских поселениях. Б. Барбер отмечал среди факторов, стимулирующих рост различных видов участия, широкое распространение и доминирование достигаемого социального статуса, изменение тенденций в расселении трудового населения и формирование в связи с этим новых типов сообществ [1. С. 61–64]. Дж. Ф. Шмидт и В.С. Рохрер в своей работе «Влияние типа семьи на социальное участие» выявляли зависимость между характером семьи и типом формальной организации, объединяющей соседей в сообществе, зависимость формальных и неформальных видов общественного участия, в которые вовлечены члены семьи фермера от доминирующего типа семейных отношений и состава семьи. Изучались следующие параметры: количество знакомых соседей, количество друзей респондента, частота визитов соседей, количество добровольческих ассоциаций и т.д. [5. С. 224–230].

Дальнейшие исследования 50–60-х гг. продолжили изучение корреляции между демографическим факторами, экономическим благополучием и типами общественного, социального участия в городской и сельской среде. Интерес в данной проблематике стимулировался различными правительственными программами, направленными на решение проблем нищеты и расовых проблем. Их разработка и продвижение могли быть успешными только в ус-

ловиях повышенного внимания и участия общественности, изменения отношений между сообществом и государством, создания новых программ и проектов уже по развитию сообществ. Исследователями было отмечено, что характер и формы общественного, социального участия зависят от национальной, этнической культуры, региона, возраста, гендерных особенностей, типа поселения (село/город) [6. С. 259–265]. Но уже в это время в работах, посвященных проблеме участия, отмечалось, что литература, изучающая общественное участие, имеет тенденцию концентрироваться на одном типе активности: участия субъекта в деятельности формальных организаций. Вместе с тем исследователи замечали, что такие формы участия, как дружеские круги и иные виды неформальных объединений, остаются вне внимания исследователей, как и характер влияния формальных и неформальных форм участия друг на друга. [7. С. 177]

Анализ общественного участия в контексте проблем сообщества сохранил свою популярность, влияние и в 70-х – начале 80-х гг., когда интерпретация общественной деятельности в сообществах была под сильным влиянием радикалистских подходов и рассматривалась как расширение классовой борьбы. И лишь политика, направленная на формирование идентичности и разделение стратегий, направленных на достижение социальных перемен, а также достижение значительного политического влияния общин на местные органы власти переключили внимание исследователей на такие аспекты участия, как благотворительность и добровольная служба, чья деятельность направлена на улучшение жизни людей социально ослабленных.

В современной западной литературе, особенно последних двух десятилетий, данная проблематика не потеряла своей актуальности. Наоборот, наблюдается резкий рост интереса к феномену участия как среди исследователей, так и среди практиков. Проблематика участия стала частью предметного поля исследований, осуществляемых в рамках изучения социальных сетей, социального капитала, социальной идентичности, проблем местных сообществ, партнерства, гражданского общества и т.д. Возможно, под влиянием новых подходов к осмыслению феномена участия, появления и осмысления новых социальных практик сегодня в сфере исследований, посвященных проблемам участия, наблюдаются два связанных между собой процесса: активная дифференциация проблематики участия, выделение отдельных его видов в самостоятельные направления исследования. Как самостоятельные направления исследований проблем участия в современной западной литературе изучается политическое, гражданское, общественное, индивидуальное, горизонтальное, вертикальное участие, участие в городской жизни, жизни сообщества и т.д.

Одновременно исследователи сосредоточились на изучении процессов их институционализации (появления специфических сфер реализации, норм, правил, технологий реализации). Проводятся масштабные исследования, главным образом, компаративного характера. Многие из них носят комплексный характер, когда предметом исследования становятся сразу несколько видов участия. Примером такого исследования является Европейское социальное обследование (ЕСС), проводимое в режиме мониторинга в странах Евросоюза (26 стран) каждые два года, начиная с 2002–2003 гг. Последние

исследования вышли за пределы еврозоны и распространились на соседние страны, включая и Россию.

Но несмотря на солидный возраст и наличие многочисленных работ, и сегодня термин «участие» используется западными авторами в несколько разном контексте и наполняется разным содержанием. Недостаточно изучен сам феномен участия, нет четкого разделения между ключевыми видами: политическим, гражданским, общественным, социальным. Можно отметить следующую тенденцию: чем более организованный и институционально оформленный характер носит та или иная форма участия, чем сильнее в него вовлечены формализованные субъекты, использующие легитимно оформленные технологии (участие в выборах, демонстрациях, деятельности конкретных комитетов и ассоциаций и т.д.), тем меньше разночтений и интерпретаций в исследовательской литературе оно содержит, тем более однозначно характеризуется. И наоборот. В этом плане наибольшее разночтение наблюдается при описании горизонтальных, неформализованных и слабо институционализированных форм участия.

Нет единства и в понимании соотношения указанных выше видов участия между собой, а также присущих им форм. В различных исследованиях индикатором, к примеру, общественного участия может выступать участие как в различных формах политической деятельности (политическое участие), так и в общественном труде, включая благотворительную и волонтерскую деятельность, вовлеченность в социальные сети сообщества (социальное участие) и т.д.

Поэтому, опираясь на современные работы российских и зарубежных исследователей, уточняя содержание наиболее часто упоминаемых видов участия: гражданского, общественного и социального, – попробуем оттолкнуться от сущности феномена участия.

Наряду с человеческим счастьем, демократией, экономическим благосостоянием участие является ключевым условием и компонентом жизненного мира современного человека, отметили Н. Кеннет и Дж. Хейко, анализируя характер общественного и гражданского участия 22 стран [8. С. 29]. Подобной оценки значимости данного социального явления придерживаются многие из современных западных исследователей, что, впрочем, не мешает им изучать участие, опираясь на различные теоретико-методологические основания.

Сегодня в западной литературе проблемы участия, в частности гражданского участия (Civic, Citizen Participation), общественного участия (Public Participation), социального участия (Social Participation), рассматриваются в рамках различных подходов: социологического, социально-психологического, поведенческого, политологического, правового, экономического и пр. Проблематика участия изучается в контексте теорий, направленных на исследование развития сообществ (общин), добровольчества, социального капитала, социальных сетей, социальных движений, гражданского общества, демократии, качества государственных услуг, социологии повседневности, этики потребления и т.д.

В наиболее широком смысле участие характеризуется сегодня как «ситуативная практика», реализуемая в рамках определенного территориального

и социального пространства с присущими политическими, социальными, культурными и историческими особенностями [9. С. 51]. Условием ее возникновения является общественный интерес. Участие осуществляется путем объединения индивидов в сообщества различной степени формализации. По мнению современных теоретиков гражданского общества, будучи ареной добровольных коллективных действий, вокруг общих интересов, целей, ценностей, гражданское общество и состоит из подобных формализованных и неформализованных объединений и ассоциаций.

Такой подход к пониманию феномена участия несколько отличается от его интерпретаций, встречающихся сегодня в российских исследованиях. Основные отличия частично содержатся в субъектах участия, в его направленности. Иначе говоря: «кто участвует?» и «на что данный вид участия направлен?».

Во многих работах основной вектор общественной деятельности, интерпретируемый в современной российской литературе как «участие», вне зависимости от его видов направлен на вертикальное взаимодействие: группы или сообщества с государством [10; 11; 12; 13]. В данном контексте участие – это способ взаимодействия с властью. Возможность участвовать – это непрерывный двунаправленный процесс взаимодействия между гражданами и органом власти (учреждением, ведомством) [12]. Участие – это инструментальная активность, посредством которой граждане пытаются влиять на правительство таким образом, чтобы оно предпринимало желаемые для них действия [10. С. 146]. Подобные интерпретации участия встречаются и в работах, в которых рассматривается практика решения проблем в различных сферах (образовании, градостроительстве, экологии и пр.). Взаимодействие с органами власти есть один из основных, а часто и единственный инструмент решения данных проблем.

В отличие от интерпретаций российских исследователей в американской исследовательской литературе участие рассматривается существенно шире. Участие может быть реализовано отдельным индивидом или носить групповой характер, реализуясь через коллективную деятельность по достижению совместного социально значимого результата. И государство, государственные учреждения могут выступать лишь одним из субъектов данного взаимодействия, наряду с отдельными индивидами, группами, общественными объединениями, негосударственными организациями и сообществами. В развитых обществах оно чаще всего проявляется в участии в ассоциативной жизни и способствует формированию связей, социального капитала и общих норм между людьми [14. С. 78], формируя доверие и чувство идентичности.

Чаще всего подобные формы коллективности воспринимаются и интерпретируются исследователями как социально конструктивные, как некое общественное благо, но наряду с укреплением сплоченности и капитала участие может способствовать социальному исключению и расколу [6. С. 46], а стремление к ассоциированности может содействовать продвижению в том числе и социально радикальных целей, к примеру неофашистских, ультранационалистических, способствовать созданию мафиозных кланов, стимулировать насилие.

Но вне зависимости от целей коллективное участие всегда нормировано и процесс выработки норм происходит в процессе совместной деятельности. Люди научились принимать участие участвуя. Именно в процессе совместной деятельности создаются учреждения и структуры, которые, позволяя и поощряя участие, образуют взаимоукрепляющую систему, которая поощряет более широкое участие.

Подобная широта интерпретации участия предполагает качественное разнообразие их видов. Суммируя встречающиеся в литературе виды участия их можно систематизировать следующим образом:

По сферам участия:

- Политическое участие
- Гражданское участие
- Общественное участие
- Участие в жизни сообщества и т.д.

По степени структурированности:

- структурированное – неструктурированное
- институционализированное и неинституционализированное
- неформальное – формальное

По степени вовлечения субъектов в процесс участия:

- пассивное – активное
- индивидуальное – коллективное
- разовое – постоянное (текущее)

По направленности:

- вертикальное (направленное на вовлечение граждан в процесс социального управления) – горизонтальное (направленное на коллективную деятельность в рамках ассоциации или сообщества).

По отношению к социальным изменениям:

- направленное на сопротивление социальным изменениям – стимулирующее изменения.

По мотивации:

- направленное на удовлетворение собственных интересов – альтруистическое
- бесплатное – оплачиваемое.

По избираемой стратегии:

- ответная реакция – упреждающее.

Еще один подход к видам и формам участия, являющимся частью нормального легитимного репертуара западной политической и социальной жизни, используется в мониторинге Европейское социальное обследование (ЕСС). В исследовании изучаются:

1. Традиционное (общепринятое) политическое участие. Формы: голосование; участие в политических кампаниях; обращение к политическим и государственным должностным лицам; вступление в члены; работа или передача средств на нужды политических организаций; проявление интереса к политике; обсуждение политики.

2. Нетрадиционные (протестное) политическое поведение: законные демонстрации, подписание петиций, бойкот продуктов; сознательный отказ от

покупки некоторых продуктов по политическим, этическим или экологическим соображениям.

3. Участие деятельности общественных объединений: членство, содействие без членства, передача средств и добровольная работа в объединении.

4. Неформальное общественное участие: различные формы индивидуального и группового участия в общественной жизни вне организаций и ассоциаций.

5. Неформальная помощь – разнообразные формы активной индивидуальной и групповой помощи другим вне социальных и благотворительных объединений [8. С. 12].

Одним из наиболее известных, широко изученных и проработанных с точки зрения терминологии видов участия является гражданское участие. Различия в отношении интерпретации данного понятия между российскими и западными исследователями минимальны.

Гражданское участие (*civic, citizen participation*) – участие лиц в различных структурах и демократических институтах. Оно предполагает для решения проблем сообщества объединение индивидов в различные группы заинтересованных сторон. Их деятельность должна быть направлена на совместную разработку решений сложных вопросов и достижение консенсуса по этим вопросам как внутри сообщества, так и в процессе диалога с властью. Гражданское участие часто рассматривают как вертикальное участие (участие в партнерстве и управлении), как форму коллективного управления [15. С. 4]. Оно тесно связано с политическим участием, которое иногда даже рассматривают как вид гражданского участия [16].

Основными формами гражданского участия могут быть участие в местных, региональных, федеральных выборах, обсуждение и разработка политических, социально-экономических, культурных программ и проектов, влияние на принятие решений и контроль за их исполнением, самоуправление на «низовом» (местном) уровне [13. С. 171], голосование, участие в демонстрациях, митингах, пикетах и т.п., внесение денежных взносов, написание писем, петиций, вступление в личные контакты с политиками и должностными лицами, членство в различных организациях, выдвижение гражданских инициатив на местном уровне [10. С. 146–148], сходы граждан, голосования по отзыву депутата, публичные слушания, правотворческая инициатива, территориальное общественное самоуправление, собрания граждан, опросы и пр.

Все это определяет и основные функции гражданского участия. В частности, оно позволяет вовлечь сообщество в решение социальных проблем, в первую очередь, через вовлечение широкого круга индивидов непосредственно к принятию решений, затрагивающих их жизнь; обеспечить общественный контроль за принятием и реализацией решений государственной и муниципальной власти; содействовать росту социальной сплоченности и социальной идентичности членов сообщества; повысить удовлетворенность населения от эффективных политических решений, и, наконец, оно оказывает влияние на личностное развитие индивидов, рост их социальной и гражданской компетентности и активности.

Таким образом, гражданское участие содействует большей социальной справедливости, росту эффективности государственных и общественных ус-

луг, созданию общества уверенных в себе граждан, выражению активной гражданской позиции. Как правило, стимулирование гражданского участия требует целенаправленной деятельности по включению индивидов, групп в процесс гражданского, политического участия.

В отличие от гражданского социальное участие представляет собой коллективную деятельность людей, горизонтальную активность, осуществляемую ими в рамках повседневной жизни и направленную на удовлетворение общественного интереса. Социальное участие может осуществляться через формальные или неформальные практики. К первым относится ассоциативная деятельность индивида («ассоциации в повседневной жизни» по де Токвилю [21, С.107]): участие в деятельности общественных, религиозных объединений, клубов, профсоюзов, органов общественной самодеятельности и пр., организованная добровольческая деятельность. Ко вторым, неформальным практикам – коллективная деятельность людей, направленная на совместное решение проблем, поддержание традиций, помощь соседям, взаимная поддержка, поддержка местных учреждений и организаций и пр.

Социальное участие обычно обращается к природе и пространству личности, отражает деятельность людей по ассоциированию в формальных и неформальных контекстах. Это вовлечение в неформальные группы, в работу в формальных организациях для участия в культурной, досуговой и социальной деятельности ассоциаций и групп. Важно понимать, что люди выбирают участие в общественной жизни по ряду причин, которые могут иметь мало общего с деятельностью государства, учреждений и процессов управления. Поэтому в соответствии с концепцией социального участия исследователями изучаются организации, которые включают в себя не только деятельность в группах, но также факторы, влияющие на этот процесс: понимание, ответственность, обязательства, преданность, идентификацию и пр. [18. С. 220]. Как следствие этого в контексте социального участия изучаются и ролевые отношения, которые предполагают вовлечение индивидов в многообразные связи с окружающим сообществом: член семьи, друг, сосед, студент, работник, волонтер, член организаций, различных по виду (по вероисповеданию, увлечениям, по территориальному признаку и пр.).

В последнее десятилетие значительный вклад в изучение данного феномена внесла теория социального капитала. Социальное участие все чаще интерпретируется как неформальный социальный капитал, особенно важный для тех, чьи обстоятельства сделали их более уязвимыми, склонными к маргинальности, исключению и нищете. [14. С. 5]. Оно типологизируется по разным основаниям. К примеру, по формам объединения людей: в себе и для себя; по вектору помощи: самопомощь, взаимопомощь; по сферам интересов; по группам проблем; по степени формализации ассоциативных процессов: участие в формальных организациях, участие в неформальных сетях, персональная поддержка сетей за пределами семьи (помощь соседям, посещение пожилых, нуждающихся) и т.д.

Сегодня в западных странах особенно популярно изучение социального участия в контексте вовлечения различных категорий социально депривированных граждан (пожилые, психически больные) в общественные отношения; содействия возрастанию социальной активности в сообществах; реали-

зации социально значимых программ, к примеру в области общественного здоровья и т.д.

Промежуточное положение между двумя данными видами участия занимает общественное участие, что наложило отпечаток на характер интерпретации данного термина. Его значение наиболее широко, но при этом более размыто и слабо структурировано. Оно часто совпадает с указанными выше понятиями гражданского и социального участия либо включает в себя одновременно фрагменты характеристик обоих понятий, либо рассматривается как синоним гражданского участия. К примеру, общественное участие предполагает для решения проблем сообщества объединение различных групп заинтересованных сторон для совместной разработки решений сложных вопросов и достижения консенсуса по этим вопросам как внутри сообщества, так и в процессе диалога с властью [15]. Подобную интерпретацию данного термина предлагает и российский политолог А. Сунгуров. Он определяет общественное участие как непрерывный двунаправленный процесс взаимодействия между гражданами и органом власти (учреждением, ведомством), отвечающим за принятие решения. По его мнению, от гражданского общественное участие отличается отсутствием среди его форм электоральной активности, уклонением от деятельности политических партий и движений, а также от форм протестного участия [12]. Во многих исследованиях отмечается, что основные формы и методы реализации общественного участия лежат в плоскости информирования и вовлечения в деятельность по созданию государственно-общественного управления на уровне учреждений, сообществ, муниципалитетов.

Сложности для понимания сущности общественного участия добавляют и трудности перевода. Так, в английском языке используется три самостоятельных термина для определения рассматриваемых нами видов участия: *civic, public, social participation*, в то время как при переводе на русский язык общественное и социальное становятся фактически синонимами. Понимание терминов «общественное участие» и «социальное участие» как синонимичных в российской литературе подтверждает и контекст многочисленных публикаций, где они используются. Такое понимание сложилось в российской исследовательской практике стихийно, благодаря тому, что данные термины использовались в разных исследовательских областях. К примеру, понятие гражданского участия использовалось скорее политологами – теоретиками гражданского общества, общественное участие – для анализа способов решения экологических проблем или в области образования, для обучения процесса вовлечения родителей, профессионального сообщества, деловых кругов в процесс управления образованием, в частности в разработку образовательной политики, создание государственно-общественной системы лицензирования образовательных учреждений и т.д. В свою очередь, понятие социального участия используется, скорее в контексте изучения проблем сообществ, благотворительности и процессов институционализации общественных инициатив. Одновременно в практике использования данных терминов наблюдается стремление применять в качестве обобщающего все виды участия (родового понятия) термин – общественное участие.

Подводя итоги, следует отметить, что проблема соотношения данных понятий – проблема не только российская. Неперспективность изолированного анализа социального, общественного и гражданского участия и необходимость разработки единой общественно-политической модели участия отмечают и западные исследователи [8, С. 11; 19. С. 76]. Попытки разработки интегративных моделей участия, к примеру гражданского социального участия, предпринимаются и в России [11]. Сам факт активного использования данной терминологии в различных общественных сферах является признаком попыток осмысления новых для нашего общества процессов, которые не укладываются в существующие теоретические схемы и модели. Но необходимо понимать, что любые действия, связанные с моделированием процессов участия, описанием с помощью тех или иных его видов социальных процессов, требуют дальнейшего теоретического осмысления как собственно феномена участия, так и отдельных его видов. Только это позволит конвенциализовать данный понятийный аппарат и сделать его действенным инструментом анализа социальных процессов.

Литература

1. Barber B. "Mass apathy" and voluntary social participation in the United States. Reprint of the author's thesis, Harvard, 1948. (Препринт 1980). 292 с.
2. Anderson W.A., Arnold C. The pattern of Social Activities in a High Participation Group, Rural Sociology 4 (1939). P. 463–464.
3. Anderson W.A. Farm Woman in the Home Bureau, Ithaca, N.Y.: Cornell University Agricultural Experiment Station, mimeo, 1941.
4. Anderson W.A. Family social participation and social status self-rating // American sociological review. 1946. Vol. 11, №3. P. 253–258.
5. Schmidt John Frank, Rohrer Wayne C. The Relationship of Family Type to Social Participation // Marriage and Family Living, Vol. 18, №. 3 (Aug., 1956). P. 224–230.
6. Putnam, R., *Bowling Alone*. The Collapse and Revival of American Community. Simon and Schuster/ New York, 2000.
7. Bartolomeo P. G. Patterns of Social Participation in a Two-Generation Sample of Italian-Americans // Sociological Quarterly. Vol.7, Issue 2, March 1966. P. 167–178.
8. Kenneth N., Heiko G. Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations. Discussion Paper SP IV 2008–201.
9. Cornwall A. Locating citizen participation // IDS Bulletin 33 (2). P. 49–58.
10. Гончаров Д.В., Гончарова И.Б. Введение в политическую науку. М., 1996. 227 с.
11. Мерзляков А.А. Гражданское социальное участие как универсальная технология социального управления (на материалах разработки и реализации градостроительных проектов): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 27 с.
12. Сунгуров А. Общественное участие как условие формирования гражданского общества. [СПб., 2000] URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/conf/index.html>
13. Холмская М.Р. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // Полис. 1999. № 3. С. 170–176.
14. Platt L. Social Participation: How does it vary with illness, caring and ethnic group? ISER Working Paper 2006-18 Institute for Social and Economic Research, University of Essex, Wivenhoe Park.
15. Brodie E., Cowling E., Nissen N., with Paine A.E., Jochum V., Warburton D. Understanding participation: A literature Review. [December 2009] URL: [http:// pathwaysthroughparticipation.org.uk/2010/01/understanding-participation-a-literature-review/](http://pathwaysthroughparticipation.org.uk/2010/01/understanding-participation-a-literature-review/)
16. Платонова Д.В. Социальная сущность и формы участия аудитории в деятельности СМИ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 19 с.
17. де Токвиль А. Демократия в Америке / Пер. с фр.; Предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. С. 379.
18. Warner W.K. Problems of participation // Journal of cooperative extension. 1965. № 4. P. 219–228.
19. van Deth, Jan (ed.). Private Groups and Public Life. Social Participation, Voluntary Associations, and Political Involvement in Representative Democracies. London: Routledge, 1997.